

«ПРИЗНАКИ» НЕ ВЫЯВЛЕНЫ

ПРОВЕРКА

Минюст не нашёл в деятельности пермского «Мемориала» признаков выполнения функций «иностранного агента»

Завершилась плановая проверка, которую управление Министерства юстиции РФ по Пермскому краю проводило в отношении общественной организации «Пермское краевое отделение Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал». Результат проверки председатель общества Роберт Латыпов получил 11 января 2017 года.

Проверка была плановой, но очень подробной. Члены комиссии тщательно изучили все документы «Мемориала» с декабря 2013 по ноябрь 2016 года, и обнаружили, что общественная организация финансируется исключительно из государственных бюджетов России: федерального (конкурс «президентских» грантов) — 31%, бюджет Пермского края — 40%,

бюджет города Перми — 15%, бюджеты районов Пермского края — 4%, благотворительных пожертвований российских граждан — 10%.

В акте по результатам проверки отмечается, что организация не ведёт коммерческой деятельности, а большинство сотрудников выполняют работы на общественных началах. В результате проверки представители минюста сделали выводы:

«Организация в полной мере реализует предусмотренные Уставом цели и задачи, самостоятельно определяет направления своей деятельности, руководствуясь принципами добровольности, равноправия, самоуправления и законности, в точном соответствии с требованиями действующего законодательства...»

Факты получения организацией денежных средств и иного имущества от иностранных государств, их государственных органов, международных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства либо уполномоченных ими лиц и (или) от российских юридических лиц, получающих денежные средства и иное имущество от указанных источников (за исключением открытых акционерных обществ с государственным участием и их дочерних обществ), в проверяемый период не выявлены».

Таким образом, надзорный орган не выявил в деятельности пермского «Мемориала» признаков выполнения функций иностранного агента.

Как рассказал председатель организации Роберт Латыпов, в «Мемориале» спокойно от-

реагировали как на сам факт проведения плановой проверки, так и на её результаты.

То, что пермский «Мемориал» прошёл проверку на редкость чисто (у Управления минюста не нашлось ни одного, даже формального замечания к его деятельности), его председатель связывает с тем, что организация не получает иностранного финансирования и ведёт широкую социальную благотворительную деятельность.

Между тем, говорит Роберт Латыпов, это довольно редкий случай. Уже несколько региональных организаций общества «Мемориал» были признаны «иностранными агентами». Что касается «головной» организации — Международный «Мемориал», то она в настоящий момент оспаривает этот статус в суде.

Юлия Баталина

В НОМЕРЕ

Анна Кимерлинг: «Учителя спрашивают меня, можно ли плохо говорить о Сталине»

«Редко, но мне удаётся пообщаться и со школьниками. Для детей этой темы порой попросту нет: даже если они о ней знают, то относятся, как к фильму о Гарри Поттере: какая-то история, какие-то репрессии, когда-то было...»

Нет эмоций, понимания, что жертвой мог оказаться кто угодно, даже члены твоей семьи. Школьники не задумываются, что было бы, если бы ни за что арестовали их отцов. Великая Отечественная война прочувствована, а репрессии — нет».

Интервью с заведующей кафедрой гуманитарных дисциплин Высшей школы экономики в Перми.

Стр. 2

СУДЬБА

Я ЕГО ИСКАЛ, ДЕСЯТКИ ЛЕТ ИСКАЛ...

Беседа с Львом Иосифовичем Яблошевским, сыном расстрелянного отца

— Вы помните отца? Играл ли он с вами, брал ли на руки?

— Ещё как помню. Приходил с работы, подходил ко мне — я ведь был самым маленьким — брал на руки и давал конфетку. А потом подбрасывал — руки у него такие крепкие, хотелось со страху прижаться. За шалости нас не наказывал, это было вопреки его натуре — наказывать.

— А как он с мамой?

— Даже трудно слова найти — нежный, ласковый. Как и она с ним. Им не удалось получить образование, но оба были по-настоящему интеллигентными людьми.

— Вы жили в одной комнате, так ведь?

— Да, все вчетвером в одной комнатке. Деревянный барак, бревенчатый, мы на первом этаже, система коридорная... Кухня в конце коридора, общая. Помню, там стояли керосинки — даже не примусы, а керосинки. Их разжигали, стояла гарь, вонь такая. Там и общались, а потом, когда время прошло, говорили, что жили дружно и весело.

Дети играли во дворе, но нам не хватало двора, и мы по улице бегали. Ботинки у ребят были, но мы их берегли, летом бегали босиком. Ступня становилась твёрдая, как подошва, так что не боялись ни камней, ни даже стекла. На речку бегали, на Клязьму, там целые дни пропадали.

— Скажите, а книжки читали?

— Книжек было мало. Это я потом их стал приобретать, когда пошёл в школу. А брат Вален-

тин к книжкам не пристрастился. У него другое было — хватка отцова, руки хорошие.

— А у вас разве руки не такие?

— Я больше книжник был, нежели чего-то там смастерить, сделать. Природа, наверное, так распорядилась...

— Можете вспомнить, как полякам жилось среди русских? Простые люди как к вам относились?

— Да нормально жилось. Простые люди тогда не по национальности определяли качества человека, а по его отношению к жизни, по отношению к другим людям. Не было такого, чтобы нас оскорбляли как поляков. Это потом всё изменилось, когда началась истерия с поиском врагов, когда отца арестовали. Мама изгоем оказалась как жена врага народа. Но даже в те тяжёлые времена были люди, которые поддерживали нас, особенно из тех, кто знал отца. Они рассказывали о нём с любовью и уважением.

— Мы подошли к самому трудному. Как это было? Вы спокойно живёте, и вдруг кто-то вваливается, уводят отца...

— Я могу только вспомнить, как мама всё время плакала, куда-то всё время убегала... Она не могла понять, что происходит, искала помощи у других людей. Никто не мог помочь или хоть что-то объяснить. Она была в отчаянии, однажды решила нас совсем оставить — пошла на станцию, хотела броситься под поезд. Её там остановили.

Иосиф Андреевич Яблошевский. Фото из архивно-следственного дела

Продолжение на стр. 4

Лагерь преткновения

Тема «Перми-36» до сих пор остаётся дискуссионной. И в Перми 12 января, и в Екатеринбурге 16 января активисты-сталинисты пытались сорвать обсуждение картины. В Перми они шумели, скандалили, перебивали и оскорбляли и автора фильма, и зрителей. В Екатеринбурге дело ограничилось пикетом кучки фанатиков: видимо, охрана Ельцин-центра уже себя зарекомендовала.

Фильм «Пермь-36. Отражение» вызвал столкновение позиций.

Стр. 2

Памятник беспамятству

«В Прикамье располагались тысяча двести колоний, спецпоселений и других учреждений ГУЛАГа, а памятников жертвам политрепрессий сегодня — меньше двух сотен», — говорит председатель Пермского «Мемориала» Роберт Латыпов. Большинство монументов до сих пор не взято на баланс ни одно ведомство. Чтобы мемориалы не затерялись и было проще в них ориентироваться, общественная организация создаёт интернет-карту, на которую будут нанесены все объекты».

Как сохранить мемориалы жертвам политрепрессий?

Стр. 3

АННА КИМЕРЛИНГ: «УЧИТЕЛЯ СПРАШИВАЮТ МЕНЯ, МОЖНО ЛИ ПЛОХО ГОВОРИТЬ О СТАЛИНЕ»

СОБЕСЕДНИК

Знают ли нынешние школьники и студенты о политических репрессиях советского времени? Как они к ним относятся? Насколько влияют на их мнение педагоги? Можно ли рассказать об истории объективно? Об этом «Вестник» поговорил с заведующей кафедрой гуманитарных дисциплин Высшей школы экономики в Перми Анной Кимерлинг.

— Анна Семёновна, о политических репрессиях вы говорите и с вашими студентами, и со школьными учителями — на конференциях, методических объединениях. Как те и другие относятся к теме государственного террора, интересно ли она им?

— Наших студентов-историков сталинская эпоха, в том числе и репрессии, интересует. Неравнодушна молодёжь и к повседневной жизни людей в то время. Есть студенты, которые, например, разбираются в криминальных отношениях в лагере; берутся и за темы, которые связаны с террором косвенно. Скажем, нашли случай, когда женщина обратилась в партию, чтобы вернуть мужа, или когда начальник одного из лагерей напал на женщину...

Ребята ходят в архивы, изучают документы. В итоге молодые люди делают хорошие исследовательские работы. Наверное, здесь можно говорить о влиянии моём и моих коллег: учащимся передаётся наш интерес.

Часто встречаюсь я и со школьными учителями и по их рассказам могу судить, как относятся к политическим репрессиям ученики. И вот здесь — всё по-другому! Педагоги спрашивают, как преподавать эту тему, но они имеют в виду не то, как её лучше раскрыть — тема-то действительно сложная, — их интересует: «Как надо говорить о Сталине? Может, нельзя о нём плохо отзываться?» Коллегам почему-то кажется, что здесь есть сложное идеологическое содержание.

— И что вы отвечаете?
— Что вообще-то наука всё это давно изучила — так и надо рассказывать.

Более того, на протяжении многих лет встречаю и другое мнение: «Сталин — эффективный менеджер». Учителя из территорий Пермского края, в том числе и очень сильные, доказывают, что «без репрессий-то не подготовились бы к войне, не провели индустриализацию, полезно же всё это было».

— Так и вправду говорят?
— Да. Есть ещё одно распространённое мнение: «Подругому было нельзя, иного пути не было».

Редко, но мне удаётся пообщаться и со школьниками. Для детей этой темы порой попросту нет: даже если они о ней знают, то относятся, как к фильму о Гарри Поттере: какая-то история, какие-то репрессии, когда-то было...

Нет эмоций, понимания, что жертвой мог оказаться кто угодно, даже члены твоей семьи. Школьники не задумываются, что было бы, если бы ни за что арестовали их отцов. Великая Отечественная война прочувствована, а репрессии — нет.

Поэтому, наверное, молодёжь и не удивляет появление памятников Сталину, его портретов. Ну, ещё один политик — почему бы не он? Можно поставить монумент кому-то другому, а можно и ему.

— И такое отношение передаётся от учителя?

— Да. В обществе в целом, пожалуй, есть травма, о которой предпочитают не вспоминать. «О стыдном лучше не говорить», — думаю, такой мотив. Или сказать, но сразу пойти в учебном материале дальше, не вдаваясь в подробности.

Наша история — в принципе политическая. То есть, говоря о каком-то периоде, рассказывают о правителях, ре-

формах и их последствиях. А что происходит с человеком, как он себя чувствует в ту или иную эпоху, — молчат.

Конечно, некоторые учителя дают на уроках документы — например, приговоры к расстрелу и так далее; но таких педагогов, увы, единицы. Чаще всего это новаторы.

— Почему, на ваш взгляд, у большинства учителей могла сложиться такая позиция?

— Сложно сказать. Многие любят термин «позитивно». Говорят: «История должна быть позитивной», а репрессии — это ведь негатив. Ещё: «Давайте посмотрим с другой стороны, что вы всё о плохом да о плохом? Об этом и так все знают». Перед учителями же стоит задача вести патристическое воспитание, и им кажется, что для этого страна должна выглядеть великой, безгрешной.

Многие считают, что педагог должен быть объективным, нейтральным, не высказывать оценок — просто передавать факты. Но историк не может не давать оценок, хотя бы потому, что у любого события есть последствия, которые ты разбираешь. О нём бы попросту забыли, не будь у него этих последствий. Так называемая безобидность — синоним позитивности.

— О позитивности идёт речь прямо на методических совещаниях?

— Самое интересное, что нет. Там всё же несколько другой подход. Учителям предлагают: «Если вы уж хотите рассказать о репрессиях объективно — приводите разные мнения, ссылайтесь на учёных». Думаю, на отношение педагогов влияет, скорее, телевидение, чем научное сообщество.

— А можно ли вызвать обратную реакцию у учащихся рассказами о том, как всё было ужасно?

— Не обязательно говорить об ужасах. Главное — передать ощущение периода репрессий, а это можно сделать только с помощью исторических документов. Их пересказ зависит от актёрских способностей учителя, а они есть не у всех, поэтому лучше дать сами документы и задания к ним — пусть дети думают, вникают.

Задания нужны! Есть, например, телеграммы о том, сколько надо было расстрелять человек в области и за какое время: суть в том, что, даже если враги народа и были, их физически не успели бы так быстро найти.

В 1937 году в Прикамье расстреляли многих стахановцев. Началось с того, что арестовали одного инструктора, который до этого объехал область и переписал ударников труда. Нашли блокнотик — а в нём и список. Его назвали перечнем не стахановцев, а контрреволюционеров. Многих расстреляли... Окажись там кто угодно — и его бы арестовали. Каждого стахановца заставляли назвать ещё несколько фамилий — и за ними тоже пришли. Вот такие истории надо обсуждать с ребятами.

Беседовал
Михаил Данилович,
фото Дмитрия Окунцева

СВИДЕТЕЛЬ

Режиссёр фильма «Пермь-36. Отражение» Сергей Качкин и один из основателей музея Татьяна Курсина во время обсуждения в Центре городской культуры

ЛАГЕРЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ

Фильм «Пермь-36. Отражение» вызвал столкновение позиций

В Центре городской культуры в Перми и в Ельцин-центре в Екатеринбурге прошла серия показов документального фильма «Пермь-36. Отражение».

Фильм о единственном в мире музее в гулаговском лагере снимался пять лет на народные средства, собранные на краудфандинговой платформе. Автор картины Сергей Качкин намеревался рассказать о последних узниках лагеря — советских диссидентах, — но большая история распорядилась по-своему...

В центре сюжета фильма — судьбы трёх бывших политзаключённых лагеря «Пермь-36».

Рабочий Виктор Пестов был осуждён за антисоветскую деятельность, литературовед Михаил Мейлах — за хранение запрещённой в СССР литературы, правозащитник Сергей Ковалёв — за работу над выпуском еженедельника по правам человека в СССР.

Спустя годы герои вновь возвращаются в лагерь, ныне музей, чтобы принять участие в форуме «Пилорама», палаточный лагерь которого, как зеркало, отражает состояние российского общества, преследуемое фантомными болями после распада СССР. Не брезгуя провокацией, молодые комму-

нисты активно протестуют против существования музея и форума, рьяно вступая в дискуссии с бывшими диссидентами, которые порой оканчиваются потасовками.

В этот момент работы над фильмом режиссёрский замысел вступил в активное взаимодействие с исторической реальностью. Именно тогда, на «Пилораме-2012», над музеем стали сгущаться тучи, и вскоре фестиваль-форум был закрыт, а основатели музея, историки-энтузиасты, подверглись несправедливым гонениям. Фильм Сергея Качкина, запечатлевший этот момент,

навсегда останется важным историческим документом.

Тема «Пермь-36» до сих пор остаётся дискуссионной. И в Перми 12 января, и в Екатеринбурге 16 января активисты-сталинисты пытались сорвать обсуждение картины. Словно сойдя с экрана, молодые коммунисты снова не брезговали провокациями. В Перми они шумели, скандалили, перебивали и оскорбляли и автора фильма, и зрителей. В Екатеринбурге дело ограничилось пикетом кучки фанатиков: видимо, охрана Ельцин-центра уже себя зарекомендовала.

ИНИЦИАТИВА

ПАМЯТНИК БЕСПАМЯТСТВУ

Как сохранить мемориалы жертвам политрепрессий?

«В Прикамье размещались тысяча двести колоний, спецпоселений и других учреждений ГУЛАГа, а памятников жертвам политрепрессий сегодня — меньше двух сотен», — говорит председатель Пермского «Мемориала» Роберт Латыпов. По его мнению, проблема не только в количестве, но и в качестве памятников. Большинство монументов до сих пор не взяло на баланс ни одно ведомство. Сохранятся ли они — вопрос доброй воли местных чиновников и жителей. Чтобы мемориалы не затерялись и было проще в них ориентироваться, общественная организация создаёт интернет-карту, на которую будут нанесены все объекты.

В черновике мультимедийного ресурса пока два десятка адресов. В Перми это Мемориал памяти жертв политических репрессий на Егошихинском кладбище и таблички российского проекта «Последний адрес». Работа идёт полным ходом, и скоро интерактивная масштабируемая карта, которую можно будет увеличивать и уменьшать, приближая или удаляя от зрителя каждый объект, будет доступна на сайте Пермского «Мемориала» rmem.ru.

«Арестован... расстрелян... реабилитирован... Понял, понял»

За таблички «Последнего адреса» никогда не будут отвечать муниципальные или краевые власти. И это правильно: в этом один из смыслов проекта. В остальном настенные знаки не отличаются от других объектов карты.

Две прямоугольные таблички можно увидеть на стене здания на Пушкина, 11 в Перми. Одна посвящена электромонтеру Павлу Вишневецкому. Его арестовали в сентябре и расстреляли в октябре 1937 года. Через двадцать лет реабилитировали. Другая — супруге Павла Михайловича Алевтине Николаевне, арестованной в октябре 1937-го и расстрелянной через несколько месяцев. В 1957-м женщину тоже признали невиновной.

«Конечно, знаю, — отвечает на наш вопрос прохожая, которая представилась «просто бабушкой». — По телевизору была передача об этом. Когда-то, видимо, тут стоял дом, из которого и забрали мужа и жену. Таблички нужны. Но только, наверное, для нас, пожилых. Молодёжь-то в интернете всё сидит».

«Просто бабушка» почти права. Следующим мимо здания идёт электрик Сергей. «Постоянно здесь бываю, но таблички не замечал, — признаётся он и начинает читать: — Арестован... расстрелян... реабилитирован... Понял, понял. Согласен, правильное дело». Как видим, есть, на что обратить внимание человека.

Показываем на стену и шестикласснице Ане, она возвращается домой из школы. Объясняем, что «реабilitирован» — значит, до этого был осуждён несправедливо. «Да, нужно, чтобы люди об этом знали, — итожит девочка. — Папа подходил уже к этому месту, а я не вчитывалась, хотя живу как раз в этом доме...»

Главный памятник жертвам репрессий — по-прежнему бесхозный

Главным мемориалом репрессированным в Прикамье считается монумент на Егошихинском кладбище. Его поставили более двадцати лет назад напротив здания следственного изолятора, где

в 1930 — 1940-е годы была тюрьма НКВД №1. Каждый год здесь проходит траурный митинг. На последнем, 30 октября 2016 года, заместитель председателя Пермской городской думы Алексей Грибанов сказал:

— Памятник, к сожалению, до сих пор бесхозный. Я публично беру на себя ответственность за то, что в следующем году мы примем его в муниципальную собственность. Это нужно для того, чтобы мы могли за ним ухаживать.

Заняться здесь есть чем: за два десятка лет бетонное сооружение с металлическими вставками ни разу не ремонтировали. Грибанов сообщил «Вестнику Мемориала», что не-

давно получил ответ Свердловской районной администрации. Та нашла деньги — около ста тысяч рублей, чтобы сделать технический паспорт объекта. «До конца года мы проблему решим», — повторил депутат.

«Ощущение, что «Мемориалу» больше всех надо»

Политики и чиновники в лучшем случае помогают с отдельными памятниками, и то не сразу. Нет решения, как в принципе быть с мемориалами жертвам репрессий.

— Чиновники на местах так или иначе уходят от этой заботы, — считает Роберт Латыпов. — По-

чему — вопрос, ведь тем самым они идут вразрез с объявленной государственной политикой.

Среди памятников есть временные — это обычные деревянные кресты с информационными табличками. Их ставят вдоль рек. Сегодня здесь проходят популярные туристические маршруты, а раньше в этих местах основывали лагерные зоны.

— Большинство таких знаков поставили наши волонтеры, хотя и не только они, — продолжает Латыпов. — Ощущение, что «Мемориалу» больше всех надо. Горько об этом говорить, но это так.

Новая карта многое сможет рассказать о том, как мы относимся к прошлому, говорит общественник. Возьмём мемориальные доски репрессированным. После распада Советского Союза их появилось немало. Но в Краснокамске, например, «эти доски посвящены руководителю райисполкома, директору бумкомбината, то есть начальникам». По мнению Роберта Латыпова, может показаться, что террор коснулся только номенклатуры. Но, как бы то ни было, надо помнить всех пострадавших.

Среди замечательных людей, чья деятельность в Перми отмечена мемориальными досками, немало бывших репрессированных — выдающийся конструктор Юрий Цирульников, основательница Пермского хореографического училища Екатерина Гейденрейх, писатель Михаил Осоргин, военачальник Василий Блюхер — все они были жертвами репрессий. Но на досках об этом не говорится.

«Вестник» уже рассказывал о другом интерактивном ресурсе «Мемориала» — в нём собрали объекты ГУЛАГа в Прикамье. Памятники сначала хотели включить туда же — в уже существующую «Карту ГУЛАГа». Но в этом случае они бы затерялись. Поэтому будет два проекта: один о прошлом, другой — о том, как мы к нему относимся.

Михаил Данилович, фото Дмитрия Окунцева

СУДЬБА

Я ЕГО ИСКАЛ, ДЕСЯТКИ ЛЕТ ИСКАЛ...

Продолжение.
Начало на стр. 1

Да, самые тяжкие испытания выпали на долю мамы. Она нигде не могла устроиться на работу. Её водили на допросы ночью. Чем это заканчивалось, не знаю, она никогда не рассказывала. Приходили ночью два солдата... Она свою чашу испила до дна.

Мама считала, что причиной всех бед, навалившихся на семью, является польское происхождение. Чтобы вырастить сыновей и уберечь их от бедствий, перестала говорить на родном языке, пыталась забыть всё польское. Уничтожила письма и фотокарточки отца.

Хорошо помню, как было тяжело, когда в 1941 году её взяли на трудовой фронт, а мы-то остались вдвоём с братом. Она нам сухариков оставляла и картошки, которые мы собирали, когда перекапывали колхозное поле, а сама — туда, на лесоповал. Один раз в неделю её отпускали. Она там скапливала хлебушек и бидон щей приносила. Запах этих щей я помню до сих пор, до сих пор они мне нравятся.

— **И как долго продолжалась мамина трудармия?**

— По-моему, в 1942 году её отпустили.

— **Рассказывала она вам об отце в те времена, заходила о нём речь?**

— Я же вам говорю, она старалась вообще лишней раз... Молчала, чтобы ему и нам не навредить. В её-то сознании он был жив, просто права переписываться не имел.

— **Но хоть сказала, когда у отца день рождения?**

— Сказала — 7 августа 1908 года. Только послать поздравления было некуда.

— **А о том, как арестовали отца?**

— Вы знаете, его арестовали на заводе, поэтому она не сразу узнала детали. Но когда узнала, была вне себя. Ей даже сказали, кто на отца капал, кто написал донос. Но она не пошла, не отомстила, ничего не сделала такого. Это был товарищ отца по работе.

— **И чего он добился?**

— Он добился того, что не стало человека. Не знаю, мучила его совесть или нет. Через много лет, когда мне дали ознакомиться с делом отца, доносы осведомителей скрыли, не разрешили прочесть.

— **Если бы вы узнали фамилию этого доносчика, что бы сделали?**

— Ничего бы не сделал, не стал бы мстить.

— **Почему?**

— У меня не тот характер.

— **Может, они, подлецы, потому и жили в полном довольствии, что были уверены в своей безнаказанности, за грех не считали то, что сделали.**

— Наверное, так и есть. Но вы представьте: если бы началось сведение счётов, око за око, это стало бы бедой, бедой для всех. Я читал, что в одном только 1937-м году органы власти получили пять миллионов доносов, и по каждому «принимались меры».

Тут особый разговор. Мы от себя до сих пор скрываем правду, а она в том, что не только Сталин, не только Ежов, Берия и НКВД виноваты в терроре, но и немалая часть народа в этом активно участвовала. Может быть, потому

правда о прошлом так трудно пробивается на поверхность.

А тогда... Мама куда только ни ходила. Ей, наконец, сказали, что отец осуждён на десять лет без права переписки. Это сейчас мы знаем, что значит «без права переписки», а мама верила, что когда-то же пройдут эти десять лет. Она ждала, десять лет ждала отца и не устроила свою судьбу, потому что верила, что придёт муж, надо ждать.

Я в 1941 году пошёл в школу. Война идёт, а я в школу. У нас была хорошая десятилетка, я окончил там семь классов. Мать говорила: учишься, я всё положу на то, чтоб ты учился. В седьмом классе решил уйти, хотел работать, ей помогать. Но она не разрешила...

У нас учебники были старые, один на пятерых. Помню учебник истории, там портреты полководцев: Тухачевский,

пал в артиллерийское училище. Не прошёл — якобы из-за зрения. Может быть, и так. Потом поступал в лесотехнический институт. Как мне хотелось быть лесником! Опять не прошёл. Пришлось забрать документы и, чтобы не сидеть на шее у матери, идти в строительный техникум — там принимали без экзаменов после 10 классов. Хотя не очень-то хотелось в строители идти. Так всю жизнь и проработал не по призванию. Ну что, ведь многие работали и жили так.

Это происходило в 1952 году, Сталин ещё жив был. Я его по радио слышал. Такой глуховатый голос... С акцентом. Когда он умер, мы с Шуркой поехали в Москву, чтобы посмотреть похороны, и вернулись обратно, потому что даже на площадь трёх вокзалов невозможно было пройти. И правильно сделали: тогда сотни людей погибли в давке.

осмыслить заново. Во-первых, мы получили подтверждение того, что отец пострадал невинно (в чём мы с мамой и не сомневались). Во-вторых, мы поняли, что его гибель была только маленькой частичкой среди многих жертв, которые принес народ. Это подтвердил и XX съезд, который прошёл в 1956 году.

— **Интересно, о причине смерти отца в справке было сказано?**

— Умер от сердечной недостаточности в 1943 году. Это ещё одна ложь: теперь-то я знаю, что отца расстреляли 7 апреля 1938 года.

— **Вы сказали, что получение справки о реабилитации отца стало для вас поворотным пунктом. Что вы имели в виду?**

— Всю остальную жизнь я посвятил расследованию обстоятельств гибели отца, искал место, где он похоронен. Но бес-

своего отца, но не сделали этого, им не нужно почему-то. У одного дед погиб в годы репрессий. Я спрашиваю: «А вы пытались найти своего деда?» Он отвечает: «А зачем?»

— А затем, что это твоя кровь, родной человек. Если не чувствуешь боль за его страдания, значит, нет у тебя на земле корней, пустой ты человек. Мне вот судьба отца не давала покоя, я хотел знать, какой он был человек, как жил, о чём думал...

Я его искал, десятки лет искал. Хотел документы увидеть и прочесть. Хотел найти его могилку. Покоя мне не было. Но ничего не получалось, пока не приехал сюда, в Пермь и не пришёл в «Мемориал», в Москву. Пришёл со своей просьбой, вы меня сразу навели на мысль, что надо обращаться в Международный «Мемориал», в Москву. Сами же с ними и связались и сказали мне: «Скоро ответят».

— **Нам сразу сообщили, где лежит ваш отец, но мы боялись вас раньше времени тревожить.**

— Да, потом из Москвы прислали большую книгу, и в этой книге («Бутовский полигон, 1937-1938 гг.: Книга памяти жертв политических репрессий» — ред.) я нашёл: Яблосhevский Иосиф Андреевич. И там краткая его биография, очень коротко. Мы сразу же поехали с женой туда. Так я нашёл своего отца...

— **А документы удалось посмотреть в Москве?**

— Да. Но сначала не хотели выдавать. Тогда архивы жертв репрессий хранились в ФСБ, и мне там почему-то отказали, сколько ни просил. Тогда я их стал пугать. Сказал: если не дадите документы, пойду в «Мемориал», и это предадут огласке, имейте в виду. Странно, но подействовало...

Конечно, копию дела отдали неполную, без страниц, где хранятся доносы. А документы отцовские я получил, да ещё его фотографию.

— **Получили... И что почувствовали?**

— Первое, что ударило в голову, — наконец-то! Я прошёл весь путь до конца, добился, нашёл! А ещё мне очень хотелось показать эти документы маме... Но её уже не было на свете, умерла в 1995 году, не дождалась...

— **Лев Иосифович, вопрос не по теме. Что вы думаете о сегодняшнем дне, о людях?**

— Вы знаете, творится что-то неладное. Люди так озлоблены, недовольны, хотя и четверти не пережили того, что нам довелось. Плюс к тому, каждый живёт обособленно, сам по себе. Что-то в нас сломали ещё в годы репрессий, до сих пор мы не пришли в себя. Целые поколения вырастают без корней, как перекасти-поле. Многие начинают жизнь с белого листа, как будто не было прошлого, как будто до них никого не было.

— **А что, Лев Иосифович, так ведь легче жить. Не ворошишь прошлое, молчишь, не сопротивляешься, плывёшь по течению...**

— Да, так легче жить. Но смотри — как бы нам не очнуться в новом 37-м году. Очнёмся, но будет поздно.

Беседовал
Александр Калих

1936 год. Молодая семья Яблосhevских (слева направо): мама Янина Антоновна, сыновья Валентин и Лёва, отец Иосиф Андреевич

Блюхер, ещё многие. Их объявляли врагами народа, пацаны глаза им выковыривали, и это поощрялось. А ещё помню, перед тем, как войти в класс, мы пели гимн Советского Союза. Каждый день. Вместо молитвы. Собирали детей в вестибюле и заставляли петь гимн.

— **И как вам пелось?**

— Пел, как все. Что я тогда знал?

— **А ровесники знали о том, что у вас в семье произошло?**

— Знали, но не все. Я это шибко-то не афишировал. Не помню, чтобы меня унижали. Только мой друг Шурка — мы с ним дрались, потому что когда поссоримся, он называл меня «польской мордой».

— **Ничего радостного. Значит всё-таки жила в людях национальная нетерпимость.**

— Ну, Шурка что, он мальчишка, пел с чужого голоса. Обидно, конечно. Происхождение и арест отца повлияли на всю мою жизнь. Мама хотела, чтобы я поступил в Суворовское училище, но я не прошёл комиссию, хотя и писал во всех анкетах, что отец умер в 1938 году. Думал, что кого-то обману. Ничего подобного: они всё знали — мандатные комиссии так называемые. Потом посту-

В 1953 году мне было 19 лет. Кое-что уже знал, о чём сверстники представления не имели. Но, честно, его имя у меня не связывалось со смертью отца. Я это позже осознал. Значительно позже. А тогда мы думали: как будем жить без него? Плакали люди, даже мама плакала, представляете. Столько настрадались, это ж как надо голову людям задурить.

— **Скажите, Лев Иосифович, но ведь не только вы прошли эту горькую школу. Наверное, были рядом ребята, с кем можно было поговорить о том, что вас мучило. Одни потеряли отца, другие — родных и друзей...**

— Ни в коем случае. Я об этом не говорил ни с кем, меня мать строго предупредила. Боялась, что будет ещё хуже: ведь видела, сколько жён взяла, да и детей не жалели. Поэтому и меня слёзно просила: не говори ни с кем, не упоминай, молчи. И другие со мной об этом не разговаривали, хотя я знал, что у них тоже близкие люди арестованы.

В 1958 году мама получила справку о реабилитации отца. Я в то время работал в Улан-Уде, она мне прислала справку. Этот момент и стал для меня поворотным, пришлось многое пере-

полезны были все мои потуги: где его могила, никто не знал. Куда только ни обращался: и по месту работы, и по месту жительства, и на завод, и на Лубянку в КГБ. Отовсюду приходили стереотипные ответы: архивы затеряны, место захоронения неизвестно.

После настойчивых повторных запросов нам, наконец-то, показали кое-какие документы, прислали их в Пермь из Москвы. Нас с мамой вызвали в КГБ — это было во времена перестройки — дали прочитать дело, но записывать запретили. Я узнал биографию отца, узнал, что у него было четыре брата. Их обвинили в участии в заговоре против советской власти. Ни одного в живых не осталось.

— **Скажите, вот идёт ваша жизнь, бытовых проблем и забот хватает, детей надо поднимать. И всё это время вы искали отца?**

— Да, искал отца. Многие, когда получили справку о реабилитации и свидетельство о смерти, на том всё и прекращали. Мол, чего ещё искать-то?

— **Лев Иосифович, я знаю людей, которые имели возможность ознакомиться в архиве со следственным делом**